

тельно. Византия превратилась во второразрядную балканскую державу, находившуюся, как писал Кантакузин, «в пренебрежении у соседей».

Было бы, вероятно, опрометчиво предполагать, что исход гражданской {213} войны мог бы быть существенно иным и что упадок империи был обусловлен лишь победой Кантакузина и его сторонников. Подлинная трагедия Византии заключалась в том, что к середине XIV в. не сложилось объективных предпосылок для преодоления феодальной раздробленности и развития тенденции к централизации на новой основе. Поэтому вряд ли справедливо оценивать успех кантакузинистов как победу феодальной реакции. В действительности в империи, как в той или иной мере во всех балканских государствах, в эту критическую для их судеб эпоху еще не завершился самый процесс феодальной раздробленности, происходило его дальнейшее закономерное углубление³². Общественно-политические силы, выступавшие против децентрализаторских тенденций, не представляли собой социально новых структур. Это была по своему характеру «старая» служилая знать, цеплявшаяся за остатки прежних привилегий, восходивших к XI—XIII вв. Ее ослабление было закономерным, и не случайно она шаг за шагом сдавала свои позиции в ходе гражданской войны. Может быть, больше оснований говорить об иных факторах — о тех, которые укрепляли позиции аристократии, в частности об уже упомянутом растущем внешнем спросе на сельскохозяйственную продукцию, увеличении доходов феодальной знати, укреплении ее экономических и политических позиций в городах, о затруднениях центральной власти в связи с ухудшением внешнеполитической обстановки. Нет достаточных доказательств того, что в канун гражданской войны складывались предпосылки для ускорения процесса социально-общественной консолидации торгово-купеческой верхушки, самих горожан, большая часть которых в начале войны поддерживала правительство. Новые исследования показывают, что нет оснований рассматривать *πλούσιοι*, *πλουτοῦντες* византийского общества этого времени как специфическую торгово-предпринимательскую верхушку. Равным образом под этим термином скрывались и «богатые», «новая знать», сколотившая свое состояние на государственной службе, т. е. служилая знать в отличие от наследственной родовитой земельной аристократии — *αἰεὶ ῥῖστοι*.

Иначе говоря, понятие *πλούσιοι* не может быть отнесено только к торгово-купеческой предпринимательской верхушке как особому слою общества. Термин свидетельствует скорее о тесной связи этой группы и определенной ее близости со служилой знатью — «новыми богатыми»³³.

Нельзя, по-видимому, переоценивать и степень консолидации и самостоятельности «средних» — «месой», которые в византийском городе представляли собой широкий, но разнородный слой граждан «среднего достатка»: торговцев, богатых ремесленников, чиновников и клириков, представителей интеллигенции. Источники дают основание считать, что в ходе гражданской войны этот слой не укреплялся, а, напротив, слабел, размывался, несмотря на его весьма важную роль в поддержании высокого уровня жизни города и его культуры³⁴. «Месой» почти не упоминаются в источниках конца XIV—XV в. Как показывают события гражданской войны, они не только в начале войны занимали неустойчивую, колеблющуюся позицию, но и в ходе ее все более явно склонялись к компромиссу, {214} к примирению с местными феодалами. С этой точки зрения представляется правильным вывод, что «в поздней Византии городское торгово-ремесленное население так и не консолидировалось в сплоченное и влиятельное сословие горожан...»³⁵. Источники свидетельствуют о растущей связи городского купечества с местной феодальной знатью, усилении его зависимости от нее. Некоторая часть «месой» превратилась в своего рода «своих купцов» магнатов. Гражданская война нанесла серьезный удар по их благополучию, как и по положению масс торгово-ремесленного населения. Для авторов этого времени *ἄνθρωπος* («народ») — это «бедные» (*πένητες*), а византийское общество все более отчетливо делилось на *αἰεὶ ῥῖστοι* (богатых и знатных аристократов) и «остальных». Характерно, что даже близкие к «средним», сочувствующие им авторы не говорят об их правах. Они лишь взывают к аристократии о снисхождении и милостивом отношении. Собственный голос

³² История Византии. Т. 3. С. 106.

³³ Максимовић Љ. «Богаташи» Алексија Макремволита // ЗРВИ. 1980. Т. 20. С. 108—111.

³⁴ История Византии. Т. 3. С. 310.

³⁵ Медведев И. П. Мистра: Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.